

Зароново — селище эпохи Великого переселения народов в окрестностях Витебска

Бубенько Т.С.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Проведенных археологических исследований в Витебском Подвинье недостаточно для изучения миграционных процессов, протекавших в регионе в период Великого переселения народов, и решения проблемы о времени и путях расселения славян на территории Витебского Подвинья.

Цель статьи — введение в научный оборот новых материалов, позволяющих реконструировать основные этапы жизнедеятельности селища Зароново и определить этническую принадлежность его жителей.

Материал и методы. *В основу работы положены материалы авторских исследований на селище в 2018 г., проведенных с использованием археологических методов. При этом применялись методы как исторических, так и археологических исследований: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.*

Результаты и их обсуждение. *Раскопки, впервые проведенные на селище возле д. Зароново, дали богатейшую коллекцию артефактов первой половины — третьей четверти I тыс. н.э., что позволило изучить материальную культуру и быт его обитателей на различных этапах существования поселения.*

Заключение. *Исследование селища Зароново, а также находки материалов круга древностей киевской культуры и типа Абидни на других памятниках Витебского Подвинья (Городок, Вышадки, Жуково, Загорцы) показывают, что этнические процессы в регионе в I тыс. н.э. не ограничивались взаимодействием культур днепро-двинской, штрихованной керамики и дяковской. Со второй четверти I тыс. н.э. фиксируется проникновение в Витебское Подвинье отдельных раннеславянских группировок, что привело к постепенной ассимиляции местного балтского населения.*

Ключевые слова: *археологический комплекс, раскопки, селище, городище, культурный слой, хронологические индикаторы, племена, этнос.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 69–75)

Zaronovo — a Settlement of the Epoch of the Great Migration of the Nations on the Outskirts of Vitebsk

Bubenko T.S.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The archeological research in Vitebsk Dvina area is insufficient for the study of migration processes in the Region in the period of the Great Migration of Nations and the solution of the problem of the time and the ways of Slavs populating Vitebsk Dvina area.

The purpose of the article is introduction into scientific circulation of new materials which make it possible to reconstruct the main stages of the life of Zaronovo settlement and find out the ethnic identity of its inhabitants.

Material and methods. *The basis of the article is materials of the authors' researches in the settlement in 2018 which were conducted with the help of archeological methods. While writing the article methods applied both in historic and archeological studies were used: the comparative and historic, the typological, of historical reconstruction, the mapping.*

Findings and their discussion. *Studies, which were conducted on the settlement of Zaronovo for the first time, presented a rich collection of artifacts of the first half — third quarter of the 1st millennium A.D. which made it possible to identify the main stages of the existence of the settlement, and find out the ethnic identity of its inhabitants.*

Conclusion. *The study of the settlement of Zaronovo as well as the finding of materials of a range of ancient objects of Kyiv culture and Abidni type on other monuments of Vitebsk Dvina area (Gorodok, Vyshadki, Zhukovo, Zagortsy) indicates that the ethnic processes of the 1st millennium A.D. were not limited by the interaction of the cultures of Dnieprodvinsk, striped ceramics and Diakov. Since the second quarter of the 1st millennium A.D. the penetration of some early Slavonic groups into Vitebsk Dvina area, which resulted in gradual assimilation of the local Baltic population, is observed.*

Key words: *archeological complex, excavations, settlement, town area, cultural layer, chronological indicators, tribe, ethnos.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 69–75)

В плане изучения древностей раннего железного века и раннего средневековья Витебское Подвинье является «белым пятном», где на сегодняшний день исследовано немногим более 20% памятников. Территория Витебского Подвинья в силу географического положения – контактная зона трех крупнейших племенных группировок раннего железного века: днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Роль каждой из них в этнокультурных процессах, происходивших в регионе на протяжении I тыс. н.э., до сих пор не установлена и требует серьезного изучения. Проведенных исследований недостаточно для рассмотрения миграционных процессов периода Великого переселения народов и решения проблемы о времени и путях расселения славян на территории северо-восточной Беларуси.

Обозначенная проблема в ее целостном виде практически не разрабатывалась. В контексте общеоисторических исследований отдельные вопросы этой проблемы в той или иной степени освещались в трудах исследователей XIX в., в 20–30-х годах XX в. – А.Н. Лявданским, А.Д. Каваленей. Во второй половине XX века археологическое изучение памятников I тыс. н.э. в данном регионе проводили К.П. Шут, Г.В. Штыхов, В.И. Шадыро, О.Н. Левко, П.Н. Подгурский. Локальный характер работ не позволил ученым воссоздать целостную картину социально-экономического, этнического и духовного развития населения Витебского Подвинья в раннем железном веке и раннем средневековье.

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма 13.1 «История и культура», задание «Население Витебского Подвинья в I – начале II тыс. н.э.», в 2017–2018 гг. были проведены раскопки на археологическом комплексе возле д. Зароново Витебского района (120 кв. м).

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих реконструировать основные этапы жизнедеятельности селища Зароново и определить этническую принадлежность его жителей.

Материал и методы. В основу работы положены материалы авторских исследований на селище в 2018 г., проведенных с использованием археологических методов. При этом применялись методы как исторических, так и археологических исследований: сравнитель-

но-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.

Результаты и их обсуждение. Археологический комплекс Зароново, некогда состоявший из городища и примыкающего к нему селища, расположен в 3,0 км юго-восточнее д. Зароново Витебского района. Городище занимало южную оконечность высокой и довольно узкой моренной гряды; от основного платопоселения было отделено яром, по дну которого протекает ручей, впадающий в р. Горожанку. Селище полукольцом опоясывало городище с востока, юга и юго-запада, его площадь была не менее 1,2 га [1, с. 104].

В середине 1960-х годов городище на 80% было уничтожено при строительстве дороги Витебск–Полоцк, остальная часть памятника и гряда разрушены при строительстве дороги на д. Машкино. Разрушению подверглось и селище, расположенное южнее и восточнее укрепленного поселения, слой которого экскаватором столкнули на дорогу [2, с. 9–13, 23–24]. С тех пор памятник считался утраченным для науки.

Изучение топографических карт XIX – середины XX в. и сведений, полученных при обследовании данного памятника в конце 1920-х годов, позволило нам локализовать на местности остатки археологического комплекса и сделать его доступным для научных исследований. В настоящее время от комплекса сохранились небольшой участок северного склона городища и примыкающая к нему часть селища между р. Горожанкой и карьером на месте уничтоженного поселения.

Широкомасштабные раскопки, впервые проведенные на селище в 2018 г., дали богатейшую коллекцию артефактов первой половины – третьей четверти I тыс. н.э., благодаря чему удалось выделить основные этапы жизнедеятельности поселения, определить этническую принадлежность его обитателей.

С ранним этапом существования комплекса органично связывается небольшой по мощности слой 1, который, судя по немногочисленным находкам: нож с горбатой спинкой (рис. 2: 2), круглая пряжка с утолщенной рамкой (рис. 2: 1), керамика (рис. 2: 12) – образовался здесь не ранее второй четверти I тыс. н.э. Судя по небольшой мощности слоя, селище функционировало непродолжительное время и погибло во время пожара, на что указывает зольно-угольная прослойка, перекрывающая сверху древнейшие напластования.

Повторное заселение участков у подножия городища и возвышенной террасы с его южной стороны произошло, по-видимому, непосредствен-

но после пожара, поскольку следов длительного прерывания жизни на селище не зафиксировано. Новый период характеризует средний стратиграфический слой, содержащий в основном артефакты, временные рамки бытования которых не выходят за пределы второй половины IV – V в.

Судя по остаткам раскопанных жилищ, прошлое население проживало в небольших домах срубной конструкции с углубленным в землю полом. В качестве отопительных устройств использовались открытые очаги. В одном из раскопов удалось полностью исследовать жилую постройку размерами 3,75 × 2,80 м, углубленную в материк до 0,25 м. Строение возведено у подножия городища, из-за уклона площадки западная стенка дома была врезана в грунт на глубину до 0,5 м. Вход в жилище в виде округлой ступеньки располагался с северной стороны. Справа от входа зафиксирован развал очага размерами 0,8–1,0 × 0,8 м, сложенный из небольших камней диаметром 8,0–12,0 см в поперечнике. Под очагом вскрыта яма (0,4 × 0,45 м), в которой, собственно, и лежала основная часть камней. При их расчистке найдены фрагменты лепных горшков и пережженные кости животных. Сверху отопительное устройство было перекрыто слоем золы и углей. В центре постройки имела яма от столба диаметром 0,2 м, который, по всей видимости, поддерживал крышу. От перекрытия крыши сохранилась довольно толстая песчаная подсыпка (до 0,2 м). Стены жилища имели срубную конструкцию, нижний венец был впущен в материк. Судя по мощной угольной прослойке (до 5 см) внутри помещения, постройка имела деревянный пол.

В заполнении жилища найдено довольно редкое среди древностей изучаемого периода украшение – пельтовидная лунница из свинцово-оловянистого сплава (рис. 1: 3). Подвеска с двумя довольно длинными загнутыми внутрь крайними «рогами» и небольшим выступом между ними имела размеры 3,0 × 1,5 см (с ушком). По краю украшение декорировано псевдозернью (?); возможно, это была зернь, однако изделие несколько пострадало при пожаре. Лунницы, инкрустированные зернью и сканью, относятся в основном ко второй половине III в. н.э., но отдельные образцы продолжали встречаться и в IV в. наряду с гладкими лунницами-пельтами. Со второй половины IV в. трехрогие лунницы и их дериваты стали популярными и на севере Европы [3, с. 115–116]. Наиболее близкой аналогией зароновскому украшению является пластинчатая трехрогая лунница с городища Свила-1 [4, с. 67,

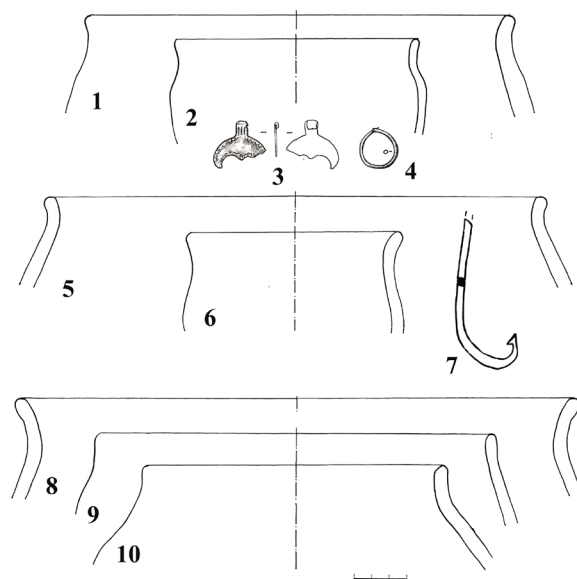

Рис. 1. Вещевой комплекс из жилой постройки 1 – (стратиграфический слой 2): 1, 2, 5, 6, 8–10 – верхние части лепных горшков (графическая реконструкция); 3 – лунница пельтовидная из цветного металла; 4 – височное кольцо; 7 – фрагмент железного рыболовного крючка

мал. 17.I: 5]. Общее типологическое и стилистическое сходство позволяет предположить, что оба изделия могли быть изготовлены по одному образцу, с той лишь разницей, что зароновская лунница – литая, а подвеска из Свила сделана из пластины. находка в Витебске литейной формочки для отливки пельтовидных лунниц может свидетельствовать о существовании в Витебском Подвинье в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. местного производства данных украшений.

Из прочих артефактов следует упомянуть маленькое височное колечко из цветного металла со следами позолоты (?) (рис. 1: 4), фрагмент железного рыболовного крючка (рис. 1: 7) и два битрапециодных пряслица.

В жилище собрано более трехсот фрагментов от горшков второй четверти I тысячелетия н.э., а также фрагмент подлощенного сосуда (рис. 1: 2). Посуда подобной формы для Белорусского Подвинья нехарактерна, ближайшие аналогии зароновской керамике известны в Поднепровье (киевская культура и Абидня) (рис. 1: 1, 5, 6, 8–10).

Анализ всей совокупности находок из раскопок селища указывает на отчетливо выраженные южные импульсы в материальной культуре его жителей: керамика, железная бритва (рис. 2: 3), серп с пяткой (рис. 4: 9), долотовидное кресало (рис. 2: 4), пельтовидная лунница и др. В данном слое преобладают три типа керамики:

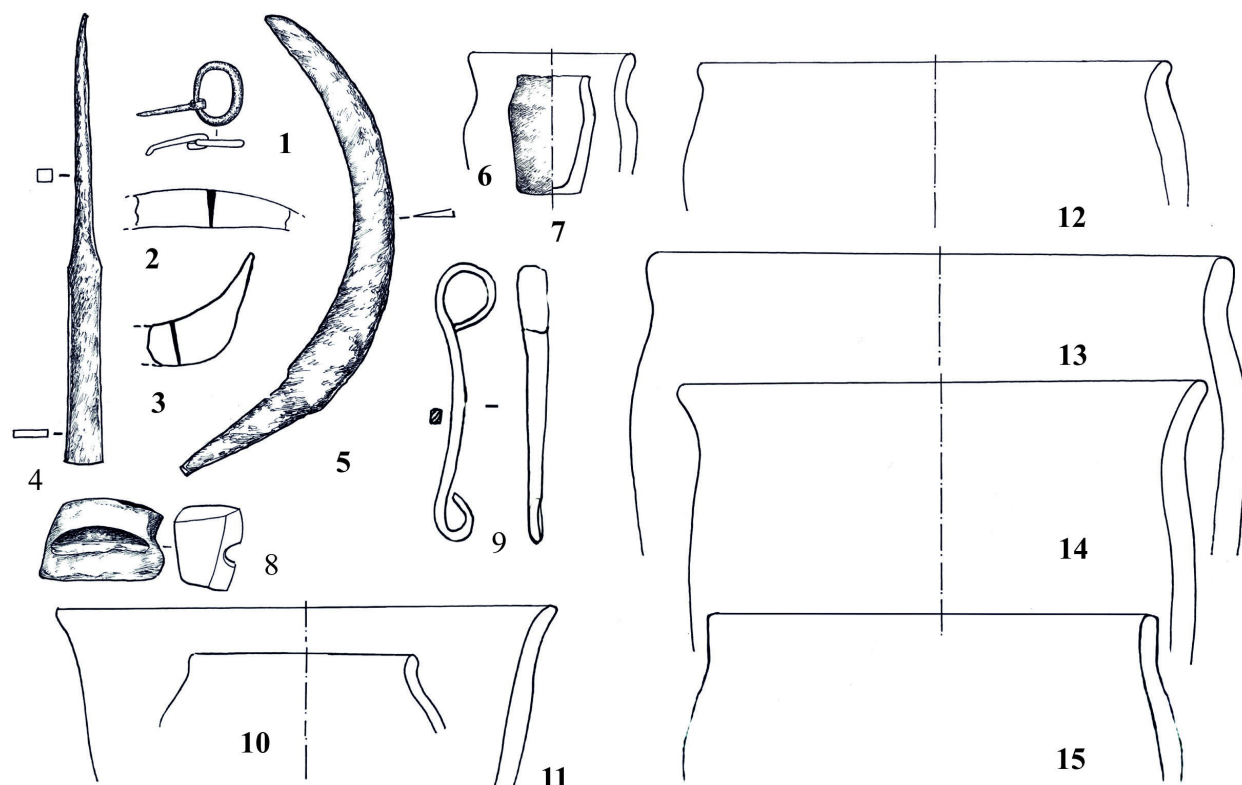

Рис. 2. Вещевой комплекс нижнего (1, 2, 12) и среднего слоя (3–11): 1 – железная пряжка; 2 – нож (фрагмент); 3 – бритва железная (фрагмент); 4 – кресало долотовидное (железо); 5 – серп железный; 6–7 – миниатюрные сосуды; 8 – блоковидное кресало из доломита (?); 9 – звено двусоставных удил; 10–15 – лепные горшки (графическая реконструкция)

округлобокие (тип 1 по Н.В. Лопатину) и ребристые горшки (тип Р-2 по Н.В. Лопатину) с максимальным расширением в средней части, а также горшки типа 7, происхождение которых Н.В. Лопатин связывает с верхнеднепровским вариантом киевской культуры, впитавшим традиции местной днепро-двинской керамики [5, с. 36, рис. 11]. Небольшой процент горшков имеет ребро в верхней трети сосуда (рис. 2: 10, 11, 13–15). Единичны фрагменты чернолощеной, подлощеной и каннелированной керамики. Последняя имела распространение среди германских древностей позднеримского времени, известна на памятниках вельбарской культуры. На территории Восточной Европы она встречается в черняховских могильниках Поднепровья и Поднестровья, на селище Узмень. Посуда с каннелированной верхней частью бытовала с III в. до середины V в., максимум ее распространения пришелся на IV в. [6, с. 34–35].

Мощные напластования последнего этапа существования поселения, фиксируемые во всех раскопах, свидетельствуют о возросшей хозяй-

ственной активности жителей неукрепленного поселка. О плотности застройки можно судить по количеству очагов, вскрытых в верхнем стратиграфическом слое (7 очагов). Отсутствие следов от столбовых ям позволяет предположить, что население проживало в наземных жилищах срубной конструкции. Материальная культура продолжает линию развития предыдущего периода. Керамика селища и верхнего слоя городища Зароново идентична керамике селищ Узмень–Жабино–Городок [5, с. 36, рис. 11], что дает основание причислить комплекс Зароново к вышеназванному кругу древностей (рис. 3: 1–12).

Среди артефактов, относящихся к последнему периоду жизни поселения, выделяется группа древностей, которую следует связывать с постзарубинецким населением и ранними длинными курганами.

Железная и бронзовая В-образные литые рифленые пряжки (рис. 4: 4, 5) с полукруглым сечением дуги на основании язычка имеют квадратное утолщение, имитирующее цветную вставку. Вставка и язычок железной пряжки,

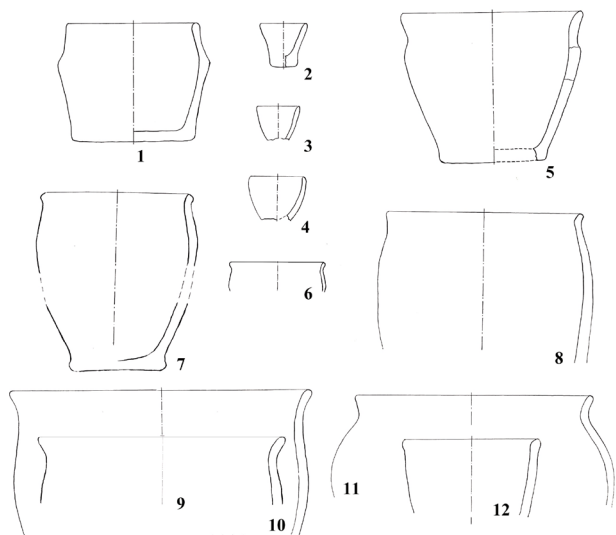

Рис. 3. Керамика из верхнего слоя (стратиграфический слой 3) селища возле д. Зароново: 1, 5–12 — лепные горшки (графическая реконструкция); 2–4 — верхние части миниатюрных сосудов

как и рамка, украшены рифлением. Ближайшие аналогии зароновским пряжкам встречаются нечасто, это единичные находки из Линдоры, Курово, Рысна-Сааре, Усть-Белой-V, Лемницы. По классификации И.А. Бажана и С.Ю. Каргапольцева, средневропейские В-образные железные пряжки с рифлением могут быть датированы второй-третьей четвертью V в. — началом VI в. [7, с. 29, рис. 3]. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев относят появление данных пряжек на Северо-Западе Руси к середине — второй половине V в. н.э. [5, с. 63]. Е.Р. Михайлова считает, что для Восточной Европы время бытования пряжек следует расширить с конца IV в. до второй половины VI — VII в. [8, с. 530].

Шпора с коротким пирамидальным шипом и загнутыми наружу расплюснутыми крючками, дуга из граненого дрота несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 4: 8). М.М. Казанский считает, что шпоры данного типа попали в лесную полосу Беларуси и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и принадлежат римскому времени (вторая треть IV в. н.э.) [9, т. 1, с. 265]. В.Б. Перхавко подобные шпоры, правда, с небольшим коническим шипом (тип V), в лесной полосе Восточной Европы датировал второй-третьей четвертью I тысячелетия н.э. [10, с. 122].

Полиэдрические бусины из синего стекла (рис. 4: 2, 3) среди центрально-европейских древ-

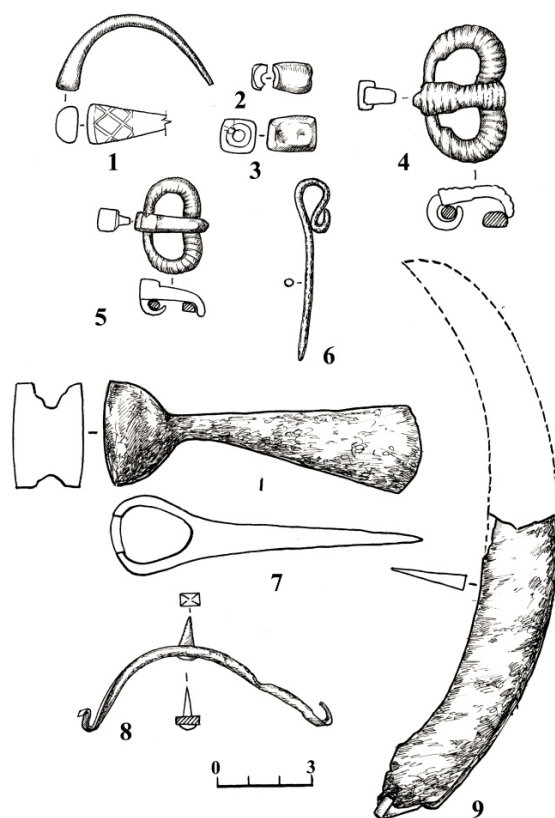

Рис. 4. Хронологические индикаторы верхнего слоя селища Зароново (стратиграфический слой 3): 1 — бронзовый браслет (фрагмент); 2, 3 — бусы полиэдрические; 4, 5 — В-образные пряжки; 6 — посоховидная булавка; 7 — боевой топор; 8 — шпора; 9 — серп (2 фрагмента). Материал: 1, 5 — бронза; 2, 3 — стекло синее; 4, 6–9 — железо

ностей известны со второй половины II — первой трети III в. [11, Bd. 43, S. 38]. Данные украшения присутствовали практически во всех культурах Восточной Европы в III–VII вв. н.э. На юге это памятники черняховской, киевской и пражской культуры [12, с. 37]. В древностях балтов данный тип бус связывают с могильниками Латвии II–III вв., юго-восточной Эстонии преимущественно IV в. На сопредельных с Витебским Подвиением памятниках культуры псковских длинных курганов исследователи называют более широкую дату: вторая половина IV — первая половина VI в. [13, с. 348; 5, с. 65].

Хронологические индикаторы верхнего слоя селища: В-образные пряжки (рис. 4: 4, 5), полиэдрические синие бусы (рис. 4: 2, 3), серп «с пяткой» (рис. 4: 9), шпора с загнутыми наружу расплюснутыми крючками (рис. 4: 8), узколезвийный боевой топор (рис. 4: 7), браслет с расширяющимися концами (рис. 4: 1) и т.д., в большинстве случаев перекрывающие друг друга, — позволяют предварительно датировать

его V–VII вв. (рис. 4). Очевидно, селище Зароново не прекратило существования в V веке, как ряд поселений круга Узмень–Заозерье, и жизнь на нем продолжалась до конца VII века.

Сопоставление стратиграфии селища с напластованиями городища позволяет нам выделить три этапа существования археологического комплекса Зароново.

Благоприятные условия, сложившиеся в последней четверти I тысячелетия до н.э. во время малого климатического оптимума SA-2 и начавшейся регрессии 7 Балтийского моря, способствовали интенсивному освоению племенами днепро-двинской культуры южных склонов Городокской возвышенности по линии Городок–Казиново–Бураково–Зароново–Старое Село [14, с. 28]. Одновременно с ними с юга – юго-запада сюда проникли небольшие группы носителей культуры штрихованной керамики, с северо-востока – дьяковское население. С первым периодом жизни на памятнике связаны напластования черной окраски, насыщенные зольно-угольными включениями (на городище и селище им соответствует нижний слой). Керамический комплекс этого времени наряду с керамикой днепро-двинского облика содержит штрихованную (11,0%) и текстильную керамику (4,5%), что подтверждает тезис об одновременном проникновении сюда разноэтничных групп населения. К сожалению, полное отсутствие хронологических индикаторов не позволяет датировать древнейший слой городища, можно лишь заметить, что инфильтрацию отдельных групп штриховиков в ареал днепро-двинской культуры исследователи связывают с рубежом – первыми веками I тысячелетия н.э. [15, с. 75].

Вызванное благоприятными климатическими условиями и регрессией Балтийского моря существенное понижение уровня грунтовых вод сделало пригодными для заселения пониженные участки рядом с городищами. В этот период возникли селища на ряде памятников, расположенных на южной оконечности Городокской возвышенности (Старое Село, Лужесно, Городок, Бураково, Казиново). Со второй четвертью I тысячелетия н.э. следует связывать возникновение селища у подножия городища Зароново. Полное отсутствие в керамическом комплексе селища посуды днепро-двинского облика позволяет предположить о проникновении в исследуемый регион отдельных групп населения с Поднепровья. К.П. Шут считал, что днепро-двинцы покинули городище в конце III в. н.э. [2, с. 13].

Возможными причинами миграции южных племен в северные регионы послужили, с одной стороны, дестабилизационные процессы второй половины IV в., вызванные военными столкновениями с готами и вторжением гуннов, а с другой – благоприятные климатические условия, сложившиеся в первой половине I тысячелетия н.э. Освободившиеся от воды территории в зоне Лучосской и Суражской низменностей открыли южанам проход в ранее труднодоступные места правого берега Западной Двины, где имелись прекрасные возможности для занятия животноводством и земледелием.

Последний период существования исследуемого комплекса связан с населением, в материальной культуре которого прослеживаются черты, характерные как для банцеровско-тушемлинской общности, так и культуры ранних длинных курганов. Подобная картина наблюдалась и при исследовании археологического комплекса Старое Село Витебской области (расположен в 15,0 км от Зароново), где рядом с городищем I–VII вв. имеются ранние длинные курганы [1, с. 99–102; 16, с. 241].

Заключение. Исследование селища Зароново, а также находки материалов круга древностей киевской культуры и типа Абидни на ряде других памятников Витебского Подвинья показывают, что этнические процессы в регионе в I тыс. н.э. не ограничивались взаимодействием культур днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Со второй четверти I тыс. н.э. фиксируется проникновение в Витебское Подвинье с юга отдельных славянских группировок, что привело к постепенной ассимиляции местного балтского населения.

Сопоставление вещевых комплексов селища Зароново с материалами поселений южной части Псковской области подтверждает, что материалы, характерные для памятников типа Городок–Узмень–Заозерье и культуры ранних длинных курганов, имели единовременное распространение как на юге Псковской области, так и на северо-востоке Беларуси.

Литература

1. Ляўданскі, А.М. Археалёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А.М. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археалёгічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. II. – С. 94–104.
2. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // ААНД Ин-та истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 1965. – Д. 237. – 64 с.
3. Каргапольцев, С.Ю. К вопросу об эволюции трехрогих пельговидных лунниц в Европе (III–VI вв.) / С.Ю. Кар-

- гапольцев, И.А. Бажан // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 7. – С. 113–121.
4. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, 2006. – 150 с.
 5. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев / Рос. акад. наук, Ин-т археологии, Гос. Эрмитаж. – М.: Ин-т археологии Рос. акад. наук, 2007. – 251 с. – (РСМ. Археология славян и их соседей : сер. науч. публ.; вып. 8).
 6. Фурасьев, А.Г. Демидовка и Узьмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники / А.Г. Фурасьев // ГАЗ. – 1997. – № 11. – С. 33–38.
 7. Бажан, И.А. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации / И.А. Бажан, С.Ю. Каргапольцев // КСИА. – 1989. – Вып. 192. – С. 28–35.
 8. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
 9. Казанский, М.М. Оружие киевской культуры / М.М. Казанский // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 262–269.
 10. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // СА. – 1978. – № 3. – С. 113–126.
 11. Tempelmann-Maczyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / M. Tempelmann-Maczyńska; Römisch-germanische kommission des Deutschen archäologischen instituts zu Frankfurt am Main. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. – Bd. 43: Römisch-Germanische Forschungen. – 420 s.
 12. Вяргей, В.С. Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі / В.С. Вяргей // Славяне на тэрыторыі Беларусі ў догосударствены перыяд: к 90-летню со дня рожнення Леоніда Давыдовіча Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларусі). – С. 14–61.
 13. Мастыкова, А.В. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее / А.В. Мастыкова, А.В. Плохов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / ред.: А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 337–357.
 14. Микляев, А.М. Каменный–железный век в междуречье Западной Двины и Ловати / А.М. Микляев // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1995. – Вып. 9. – С. 7–39.
 15. Егорейченко, А.А. Об ареале культуры поздней штрихованной керамики / А.А. Егорейченко // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. – М.: Наука, 2004. – С. 70–76.
 16. Подгурский, П.Н. Раскопки городища Старое Село / П.Н. Подгурский // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларусі, ближайшего и дальнего зарубежья: материалы междунар. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2007. – Ч. 2. – С. 239–241.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.